

Изъ исторіи украинскаго сепаратизма

Живыя традиціи современнаго украинскаго національнаго движенія ведутъ свое начало отъ интеллигентскихъ кружковъ, возникшихъ въ Харьковѣ, а затѣмъ въ Києвѣ къ концу 20-хъ и къ серединѣ 30-хъ гг. XIX в. Кружкамъ этимъ суждено было оказаться первыми «школами», гдѣ были заново заложены основы украинскаго самосознанія, передъ тѣмъ угасшаго въ результатъ болѣе чѣмъ полуторовъковаго хода событій.

М. Грушевскій, чей историко-научный авторитетъ въ украинскихъ кругахъ абсолютно незыблемъ, признаетъ, что уже во второй половинѣ XVIII в. на Украинѣ «историческая традиція вообще была очень слаба¹⁾. Патріархъ украинскаго національнаго движенія, М. П. Драгомановъ, подводитъ еще болѣе рѣшительные итоги украинскимъ сумеркамъ конца XVIII и начала XIX вв. «Національность украинская, — пишетъ онъ, — зачерла до самаго XIX в., когда она была открыта горстью поэтовъ и ученыхъ, да и они получили себѣ точку опоры только послѣ освобожденія крестьянъ въ Галиціи и Буковинѣ, въ 1848 г., а въ остальной, большей части Украины только въ 1861 г.²⁾. Когда въ 1818 г. Павловскій издалъ первую «Грамматику малорусскаго языка», то онъ въ предисловіи къ своему труду указывалъ, что имъ руководило желаніе увѣковѣчить память объ «исчезающемъ нарѣчій».

Общезвѣстны этапы украинскаго движенія въ Россіи, прозваннаго самими его участниками непритязательнымъ словомъ «украинофильство».

Вначалѣ это уже упомянутые интеллигентскіе кружки во кругъ русскихъ просвѣтительныхъ центровъ, Харьковскаго и Києвскаго университета. Чисто украинская окраска этихъ кружковъ еще очень слаба, но ихъ дѣятельностью въ первую очередь руководитъ повышенный интересъ къ украинской народности, народному языку и литературѣ, исторіи и фольклору.

1) М. Грушевскій. Очеркъ исторіи украинскаго народа. 1911 г. стр. 413-414.

2) М. Драгомановъ. Историческая Польша и великорусская демократія. Собраніе политическихъ сочиненій. Парижъ, 1905. Т. I. Стр. 21.

Появленіе въ 1840 г. «Кобзаря» Т. Шевченко, этого талантливаго поэта, вышедшаго изъ самыхъ нѣдръ украинскаго крѣпостнаго люда, отмѣчаетъ собой новый крупный шагъ въ развитіи украинской мысли и чувства. Произведенія Т. Шевченко, хотя и не сразу оцѣненные корифеями русской критики, наглядно доказывали, что украинскій языкъ отнюдь не обреченъ на то, чтобы оставаться «простонароднымъ нарѣчіемъ», но что онъ можетъ лечь въ основу полноценной литературы. Затѣмъ, въ 1846 г. слѣдуетъ основаніе «Кирилло-Мефодіевскаго братства», съ Шевченко, Костомаровымъ и Кулишемъ во главѣ. Это первая украинская политическая группировка XIX в., хотя и не лишенная весьма замѣтнаго религіозно-мистическаго оттѣка «Братчики» мечтали объ образованіи общеславянской республиканской федераціи, въ которой каждое изъ составляющихъ ее государствъ-республикъ будетъ построено на началахъ «всеобщаго равенства». Разгромъ «Братства» и суровыя наказанія, обрушившіяся на его участниковъ, въ особенности на Т. Шевченко, на время прерываютъ дальнѣйшее развитіе украинскаго движенія. Оно реорганизуется снова только въ началѣ 60-хъ годовъ въ русской столицѣ, Петербургѣ, въ тѣсномъ сотовдничествѣ съ русскими культурными силами, вокругъ журнала «Основы», выходящаго на украинскомъ и русскомъ языкахъ. «Украинифильство» 60-хъ гг., руководимое Костомаровымъ и Кулишемъ, отказавшимися отъ многоаго изъ своихъ былыхъ молодыхъ мечтаній, въ своемъ существѣ являлось украинской формой русскаго народничества въ той его первоначальной стадіи, когда оно уже овладѣло умами болышей части прогрессивно настроенной русской молодежи, но не пріобрѣло еще политической окраски. Заподозрѣнный въ причастности къ «польской интригѣ» кружокъ литераторовъ и ученыхъ, образовавшійся вокругъ «Основы», къ 1863 г. былъ вынужденъ прекратить свою дѣятельность. Министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ сопровождалъ этотъ новый перерывъ въ развитіи «украинифильства» получившимъ широкую извѣстность изреченіемъ: «никкакого малороссійскаго языка никогда не было, нѣтъ и не будетъ». Тѣмъ не менѣе въ началѣ 70-хъ годовъ въ Кіевѣ снова возникаетъ новый кружокъ, отмѣчающій собой слѣдующій этапъ въ развитіи «украинифильства». Къ этому времени уже успѣли сказаться результаты предшествующей «школы». Изъ рядовъ украинской интеллигенціи въ 70-хъ гг. выдвигается цѣлый плеядъ видныхъ ученыхъ и изслѣдователей: Антоновичъ, Драгомановъ, Потебня, Чубинскій, Житецкій, Рудченко и др. Ихъ энергичная изслѣдовательская дѣятельность, сосредоточен-

ная въ значительной степени вокругъ юго-западнаго отдѣла Россійскаго географическаго общества (отдѣлъ открытъ въ 1872 г.), приводитъ къ ряду цѣнныхъ научныхъ работъ въ области мѣстной археологіи, этнографіи, исторіи и языка. Однако вскорѣ и этотъ кружокъ заподозрѣвается въ причастности къ «польской интригѣ», югозападный отдѣлъ географическаго общества закрывается и, наконецъ, въ 1876 г. выходитъ Высочайшее повелѣніе, прозванное по имени своего главнаго вдохновителя «закономъ Іозефовича», запрещающее ввозъ въ имперію какихъ бы то ни было книгъ и брошюръ на малороссійскомъ нарѣчій, а также и ихъ печатаніе въ предѣлахъ имперіи, за исключеніемъ историческихъ документовъ и беллетристики. На дѣлѣ послѣ этого повелѣнія цензурная практика пошла еще дальше и всячески старалась не допускать выхода въ свѣтъ даже чисто беллетристическихъ произведеній, написанныхъ на «малороссійскомъ нарѣчій».

Ударъ, нанесенный «украинофильству» закономъ Іозефовича, оказался сильнѣе всѣхъ предыдущихъ. Руководящіе центры украинскаго движенія послѣ изданія этого «закона» перешли изъ Россіи въ Австрію. Нѣкоторыя смягченія къ запретительнымъ мѣрамъ 76 г., именно разрѣшеніе въ 81 г. пьесъ на украинскомъ языкѣ, ослабленіе цензурнаго режима въ серединѣ 90-хъ годовъ и, наконецъ, новыя правила о печати 1905 и 1906 гг., отмѣнившія всѣ прежнія ограниченія украинскаго слова, пришли слишкомъ поздно. Они уже не были въ состояніи сами по себѣ сгладить пагубные результаты правительственныхъ ошибокъ, за которыя Россіи придется, быть можетъ, еще долго расплачиваться.

Итакъ, не пройдя до конца общеобразовательной національной «школы» въ Россіи, украинское національное движеніе непосредственно перешло въ ярко политическую галицко-австрійскую «школу», не только далекую отъ какихъ бы то ни было общерусскихъ интересовъ, но во многихъ отношеніяхъ прямо имъ враждебную.

Конечно, только полной неосвѣдомленностью правящихъ сферъ могутъ быть объяснены эти повторныя обвиненія русскаго «украинофильства» въ причастности къ «польской интригѣ». Стремленія польскихъ дѣятелей возстановить историческую Польшу неизмѣнно встрѣчали въ украинской средѣ рѣзко отрицательное къ себѣ отношеніе. Поляки со своей стороны были склонны видѣть въ «украинофилахъ» своихъ политическихъ противниковъ. Въ 1863 г. въ книгѣ «Польша и ея южныя провинціи», изданной по французски Влад. Мишкевичемъ,

между прочимъ говорилось, что, выходящій въ Петербургѣ журналъ «Основа» «болѣе вреденъ для поляковъ, чѣмъ московскій «День».

Идея сепаратизма была вообще чуждой «украинофильству» на всемъ протяжении XIX вѣка. Старѣйшіе участники украинскаго движенія, члены первыхъ, харьковскаго и кіевскаго, кружковъ — Котляревскій, Гулакъ, Гоголь (отецъ), Квитка-Основьяненко, Стороженко и др. — были не только добрыми русскими гражданами, но и убѣжденными монархистами. Полной политической благонамѣренностью отличались также и члены кіевскаго кружка 70-хъ гг. Они отрицательно относились къ заграничной дѣятельности М. Драгоманова, находя, что «не нужно раздражать правительство противъ украинской литературы въ Россіи заграничными радикальными и вообще политическими публикаціями»³⁾.

Болѣе лѣво настроенные участники «украинофильскаго» движенія были тѣмъ не менѣе также чужды идеямъ политическаго сепаратизма. Члены «Кирилло-Мефодіевскаго братства», какъ извѣстно, были федералистами. Въ 1860 г. Н. Костомаровъ, бывшій «брагчикъ» и будущій руководитель «Основы», въ своей анонимной статьѣ въ «Колоколѣ» Герцена, другими словами, имѣя возможность высказывать свои взгляды съ полной откровенностью, писалъ: «никто изъ насъ и не думаетъ объ оторваніи Южной Руси отъ остальной Россіи»⁴⁾. Въ полномъ согласіи съ этими взглядами, Н. Костомаровъ, въ эпоху польскаго возстанія 1863 г., въ средѣ «великороссійскихъ оппозиционныхъ круговъ» провозглашалъ «анафему тому, кто задумаетъ отдѣленіе Украины отъ Россіи»⁵⁾. Наконецъ самъ М. Драгомановъ, котораго члены кіевской «Громады» упрекали за излишній радикализмъ его заграничныхъ писаній, до конца своей жизни оставался убѣжденнымъ федералистомъ. Считая, что «Малороссія-Украина органично связана съ Великороссіей»⁶⁾, Драгомановъ защищалъ дорогую для него идею федераціи, такъ какъ, по его мнѣнію, такая федерація была бы выгодной прежде всего для самой Украины. «Отдѣленіе украинскаго населенія отъ другихъ областей Россіи, — писалъ онъ еще въ 1884 году, — есть вещь не только во всякомъ случаѣ крайне труд-

³⁾ Автобіографія М. П. Драгоманова. Былое. 1906 г. № 6. Стр. 90

⁴⁾ Колоколъ, 1860 г. 15, 1.

⁵⁾ М. Драгомановъ. Собраніе политическихъ сочиненій. Т. I. Стр. 90.

⁶⁾ М. Драгомановъ. Къ вопросу о малорусской литературѣ. Вѣна

ная, если не невозможная, — но при известныхъ условіяхъ, все чуждая какихъ бы то ни было интересовъ украинскаго народа»¹⁾).

Даже такой убѣжденнѣйшій сепаратистъ, какъ И. Борщакъ, подводя въ своихъ французскихъ статьяхъ итогъ украинскому національному движенію XIX в., и отыскивая въ этомъ прошломъ малѣйшія намеки на сепаратистскую идею, все же въ своихъ заключительныхъ выводахъ вынужденъ былъ признать, что «въ теченіе всего XIX в. вожди и отвѣтственные теоретики украинскаго движенія были за славянскую федерацію и не высказывали намѣреній порвать съ Россіей»²⁾). Оглядываясь вполсѣдствіи назадъ, прямолинейные сепаратисты только радовались, что своими ошибками русское правительство переѣстигло руководящіе центры въ австрійскую Галицію, являющуюся, по словамъ самихъ сепаратистовъ, «гниздомъ Мазепинскаго духа»³⁾).

Украинское движеніе въ Галиціи, хотя и возникшее значительно позднѣе чѣмъ въ Россіи и долгое время находившееся подъ сильнымъ вліяніемъ русскаго «укариофильства», начавшая приблизительно съ 70-хъ гг. XIX в., стало развиваться въ весьма быстрыхъ темпахъ и притомъ въ атмосферѣ сильно накаленной политической борьбы, созданной сложными и чѣткими польско-русинскими взаимоотношеніями и въ печальной степени определяемой также и внѣшними отношеніями Австріи къ Россіи.

Съ 1897 г. вѣднѣйшую роль въ украинскихъ галицкихъ кругахъ начинаетъ играть М. Грушевскій. Борясь за преобразованіе народно-демократической русинской партіи въ радикальную и добиваясь выдѣленія всѣхъ украинскихъ земель Галиціи въ автономную область съ отдѣльнымъ сеймомъ, избираемымъ на основѣ всеобщей подачи голосовъ, М. Грушевскій продолжалъ оставаться въ руслѣ Драгомановскихъ традицій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, не безъ вліянія М. Грушевскаго, въ нѣдрахъ мѣстныхъ украинскихъ партій, — за исключеніемъ, конечно, «москвофильской», — въ то же самое время зрѣли и тѣ тенденціи, съ которыми М. Драгомановъ считалъ своимъ долгомъ бороться

¹⁾ М. Драгомановъ. Собраніе политическихъ сочиненій. Т. I Стр. 301.

²⁾ Elie Borschak. Le mouvement national ukrainien au XIIe siècle. Monde Slave, Décembre 1930. p. 382.

³⁾ В. Левинскій. Царська Росія і українська справа. Монреал, 1917 г. Стр. 43

Говоря его словами, это были «тенденції, если не сепаратистическія, то націоналистически - партикулярристическія: антагонизмъ противъ всего великорусскаго»¹⁰⁾. Дальнѣйшій шагъ въ томъ же направленіи долженъ былъ уже неминуемо привести къ политическому сепаратизму, притомъ съ остриемъ, направленнымъ въ первую очередь противъ Россіи. Этотъ шагъ и былъ сдѣланъ въ 1900 г. «революціонной украинской партіей» (РУП), провозгласившей сепаратистскіе лозунги въ своей брошюрѣ «Самостійна Україна», изданной во Львовѣ.

Традиции старой русской украинофильской «школы» были однако еще столь сильны, что, когда въ началу XX вѣка руководство украинскимъ движеніемъ, по крайней мѣрѣ, частично, вернулось въ Россію, то галицкая его окраска не замедлила нѣсколько поблекнуть. Къ 1904 г., на русской почвѣ, «РУП» распалась, а вышедшія изъ ея нѣдръ украинскія партіи уже болѣе не настаивали на отдѣленіи отъ Россіи, довольствуясь въ качествѣ максимума федераціей и въ качествѣ минимума областнымъ самоуправленіемъ («Спілка»).

Это смятеніе требованій со стороны многихъ украинскихъ дѣятелей сопровождалось однако рядомъ серьезныхъ оговорокъ. Въ 1906 г. М. Грушевскій писалъ, что «полная самостоятельность и независимость является послѣдовательнымъ, логическимъ завершеніемъ запросовъ національнаго развитія и самоопредѣленія всякой народности, занимающей опредѣленную территорію и обладающей достаточными задатками и энергіей развитія... Отъ стремленія къ созданію собственнаго государства можетъ удерживать только сознаніе, что принадлежность къ данному государственному союзу даетъ слишкомъ осязательныя выгоды и преимущества»¹¹⁾. Совсѣмъ недавно А. Лотоцкій, принадлежавшій къ числу видныхъ украинскихъ сепаратистовъ, выступилъ даже съ утвержденіемъ, что, если «покоренныя народности» отъ 1905 по 1917 г. ограничивались требованіями автономіи или федераціи, то они дѣлали это только потому, что «обстоятельства диктовали имъ эту тактику; позднѣе, какъ только наступилъ подходящий моментъ, они опредѣленно поставили проблему своей независимости»¹²⁾. Это, конечно, не такъ. Самъ А. Лотоцкій сдѣлался сепаратистомъ только въ началѣ 1918 г., хотя «обстоятельства» не мѣшали ему

¹⁰⁾ М. Драгомановъ. Автобіографія. Былое, 1906 г. № 6. Стр. 208-209

¹¹⁾ М. Грушевскій. «Единство или распаденіе Россіи» 1906 г.

¹²⁾ La Revue de Prométhée, N° 1. 1 octobre 1938 p. 33.

сдѣлаться «самостійникомъ» нѣсколькими мѣсяцами раньше. Все же галицкая окраска не сошла окончательно съ украинскаго движенія и въ русскихъ условіяхъ.

То положеніе, которое многіе вліятельные украинскіе дѣтели заняли въ украинскомъ вопросѣ, начиная съ конца XIX и начала XX вв., не можетъ быть названо иначе, какъ состояніемъ неустойчиваго равновѣсія. Люди, пребывавшіе въ такомъ состояніи, могли не выдержать особо сильныхъ испытаній или слишкомъ большихъ соблазновъ. Такъ оно впоследствии и случилось. Тѣмъ не менѣе рядъ испытаній эти люди все же выдержали, въ томъ числѣ и столь серьезныя, какъ первые годы войны.

Правительства центральныхъ державъ были, конечно, прекрасно освѣдомлены о сравнительно неустойчивыхъ политическихъ позиціяхъ украинскіхъ лидеровъ въ Россіи. Кромѣ того эти правительства знали также, что пожелай только они въ цѣляхъ ослабленія Россіи использовать внутрирусскія національныя несогласія, какъ тотчасъ на соответствующій ихъ призывъ откликнется немалое количество предприимчивыхъ людей, всегда готовыхъ въ моменты обостренія разнаго рода кризисовъ всѣми правдами и неправдами пробиться на авансцену.

На попыткахъ центральныхъ державъ оказать внѣшнее воздѣйствіе на развитіе украинскаго движенія не стоило бы, конечно, специально останавливаться, если бы за этими попытками не стояла та внушительная военная сила, которая уже разъ, въ 1918 г., привела къ оккупациі Украины и которая теперь, въ 1939 г., снова грозитъ Россіи расчлененіемъ.

Самая мысль о возможности воспользоваться украинскими настроеніями въ случаѣ войны съ Россіей завичала вниманіе сосѣдей Россіи уже давно. Впервые эта мысль привлекла къ себѣ вниманіе одного изъ прусскіхъ министровъ безъ малаго полтора ста лѣтъ тому назадъ.

Въ апрѣлѣ 1791 г. министръ Герцбергъ извѣстилъ своего короля, Фридриха-Вильгельма II, что къ нему явился, съ соблюденіемъ величайшаго секрета, «нѣкій малороссійскій дворянинъ ле-Капнистъ», утверждавшій, что онъ посланъ населеніемъ своей страны спросить, «можетъ ли она рассчитывать на поддержку Пруссіи, когда пожелаетъ сбросить съ себя русское иго». Вся эта исторія показалась Герцбергу довольно темной. У него явилась даже мысль, не подосланъ ли къ нему Капнистъ русскимъ дворомъ, для того, чтобы вывѣдать подлинныя настроенія прус-

скихъ правящихъ сферъ. Какъ бы то ни было, Герцбергъ отвѣтилъ Капнисту слѣдующее: «Прусскій король не можетъ вмѣшиваться въ подобныя дѣла, пока онъ находится въ мирѣ съ Россіей, но въ случаѣ войны, это будетъ ихъ (т. е. жителей Украины) дѣло поступать такъ, чтобы постараться получить поддержку Его Величества»¹³).

Въ своемъ отвѣтѣ, цѣликомъ одобренномъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ II, Герцбергъ съ достаточной ясностью указалъ «представителю» украинскаго населенія, что вопросы, связанные съ пожеланіями народностей, населяющихъ Россію, могутъ заинтересовать непосредственно Пруссію только на случай войны съ Россіей, но не сами по себѣ. Эта позиція нѣмецкой политики осталась съ тѣхъ поръ неизмѣнной.

Въ 1854 г., въ эпоху Восточной войны, въ духѣ отвѣта Герцберга, а именно «въ цѣляхъ ослабленія Россіи», былъ выработанъ соответствующій проектъ такъ называемой «партіи Бетмана-Гольвега», восходящаго родственника будущаго германскаго канцлера. Содержаніе этого проекта Бисмаркъ рисуетъ въ своихъ мемуарахъ въ слѣдующемъ видѣ: «раздробленіе Россіи, отнятіе у нея балтійскихъ провинцій, всей территоріи польской республики и раздѣленіе остального между великороссами и малороссами»¹⁴). Цѣли ослабленія Россіи преслѣдуетъ и нѣмецкій планъ 1888 г., получившій въ нѣмецкой и украинской литературѣ названіе проекта «Гартмана-Бисмарка». Планъ 1888 г. намѣчаетъ созданіе на югѣ Россіи громаднаго государства, простирающагося отъ Астрахани и включающаго въ свой составъ сѣверный Кавказъ и весь Крымъ. Территорія, которая оставалась этимъ планомъ Россіи, оказывалась меньшею чѣмъ территорія Московскаго государства въ концѣ XVI в. Предполагаемое участіе самого Бисмарка въ разработкѣ подобнаго проекта имъ показательно, что еще въ 1854 г. онъ называлъ предположенія «партіи Бетмана-Гольвега» «дѣтской утопіей». Во время Великой войны о необходимости расчлененія Россіи говорилось уже вполне открыто съ трибуны Рейхстага. Тогда же извѣстный Рорбахъ сказалъ, наконецъ, то, что до него обычно не договаривали. Для созданія украинскаго государства, заявилъ Рорбахъ, вовсе не нужно, чтобы населеніе Украины это-

¹³) Письмо Герцберга къ королю и отвѣтъ послѣдняго на него, въ частности въ книгѣ Л. Донцова: «Dmytro Donkow, Die ukrainische Staatsidee und der Krieg gegen Russland. Berlin 1915. S. 69-70.

¹⁴) Bismark. Gedanken und Erinnerungen. Bd. I. S. 100.

му сочувствовало. Для этой цѣли достаточно завладѣть главнѣйшими артеріями и населенными пунктами страны ¹⁵⁾.

Съ теченіемъ времени мысль расчленить Россію въ цѣляхъ ея политическаго и военнаго ослабленія осложнилась еще экономическими соображеніями, желаніемъ использовать «освобожденную» территорію и въ первую очередь богатѣйшіе ресурсы Украины на пользу нѣмецкаго отечества, а заодно также и проложить себѣ эгипъ путемъ «лорогу къ Индійскому океану». Нѣмецкая наука немало поработала надъ экономической стороной проблемы. Извѣстный экономистъ Рошеръ доказывалъ, что Россіи вообще суждено сыграть въ будущемъ для нѣмцевъ роль полабскихъ славянъ. Проф. Лентшъ совѣтовалъ начать съ того, чтобы послать въ Россію 10 милліоновъ колонистовъ, для того чтобы облегчить будущее продвиженіе Германіи на востокъ ¹⁶⁾. Быть можетъ, не безъ вліянія со стороны Лентша и Рорбахъ говорить о необходимости вселить въ отнятыя у Россіи земли нѣмецкихъ колонистовъ.

Сознательно или безсознательно Гитлеръ въ своей «Mein Kampf» только повторилъ основныя мысли всѣхъ своихъ многочисленныхъ предшественниковъ, говоря о священномъ «призывѣ» нѣмцевъ на чужія земли и о томъ, что стремленіе нѣмцевъ на востокъ преслѣдуетъ исключительно нѣмецкія, политическія и экономическія, цѣли. «Мы вовсе не полицейскіе защитники «бѣдныхъ малыхъ государствъ», — восклицаетъ Гитлеръ. — мы солдаты нашего собственнаго народа».

Такимъ образомъ, передъ Великой войной расчлененіе Россіи признавалось въ Германіи очередной нѣмецкой задачей. Уже въ 1913 г. австрійцы и нѣмцы занялись усиленной сепаратистской пропагандой среди народностей, населяющихъ Россію. Тогда же и «Ленинъ въ Краковѣ» получилъ на изданіе своихъ сочиненій австрійскія деньги, и программа большевиковъ обогатилась новой, сверхъ-націоналистической прибавкой о правѣ «самоопредѣленія вплоть до полнаго отдѣленія» ¹⁷⁾. Съ нача-

¹⁵⁾ О планахъ Гартмана-Бисмарка, канцлера Бетмана-Гольвега и Рорбаха болѣе подробно говорится въ статьѣ проф. Н. Алексѣева «Украина въ свѣтѣ германскаго имперіализма». Новая Россія. № 58.

¹⁶⁾ Ср. С. Н. Щеголенъ. Украинское движеніе. Кіевъ, 1912 г. Стр. 474.

¹⁷⁾ П. Миллюковъ, Россія на переломѣ. Т. I. Стр. 217. П. Н. Миллюковъ пишетъ, что свѣдѣнія о Ленинѣ въ Краковѣ онъ получилъ «отъ одного представителя отдѣлившихся національностей, получившаго тамъ же и въ то же время предложеніе австрійскихъ субсидій».

ломъ войны главная работа центральныхъ державъ по возбужденію противъ Россіи «покоренныхъ народностей» сосредоточилась первое время въ Галиціи.

Украинцы-галичане въ началѣ августа 1914 г. создали изъ представителей всѣхъ мѣстныхъ украинскихъ партій «Головную украинскую Раду», призывавшую все украинское населеніе Австріи встать на сторону центральныхъ державъ въ ихъ борьбѣ противъ Россіи. Лояльная позиція «Головной Рады» продержалась до самаго момента окончательнаго развала Австро-Венгерской монархіи. Насильственная руссификація, которой подверглась Галиція во время ея занятія русскими войсками, эту позицію «Рады», повидимому, только укрѣпила. Въ вліяніи украинской рады остались карпатороссы, считавшіе себя не украинцами, а русскими. Тогда въ дѣло вмѣшалась центральная власть, и въ Карпатской Русі, по словамъ непосредственнаго наблюдателя развивавшихся тогда событій, «началось расширение украинской агитаціи, распространеніе новаго языка»¹⁸⁾. Такъ впервые въ военные годы возникла новая, украинская, форма денационализаціи многострадальнаго карпаторусскаго народа, до тѣхъ поръ еще не практиковавшаяся.

Въ Галиціи ко времени войны, помимо мѣстныхъ украинцевъ, находилось еще и нѣкоторое количество украинцевъ, эмигрировавшихъ изъ Россіи. Австрійское правительство рѣшило использовать эту группу для сепаратистской пропаганды въ Россіи. Съ этой цѣлью австрійскія власти при помощи щедрыхъ субсидій создали изъ украинцевъ эмигрантовъ небезызвѣстный «Союзъ вызволенія Украины». Главную роль въ немъ играли Д. Донцовъ, В. Дорошенко, А. Жукъ, Меленевскій и А. Скоропись-Юлтуховскій. Предсѣдателемъ первое время была Донцовъ, но его скоро, послѣ выхода Донцова изъ «Союза», смѣнили въ этой роли Скоропись-Юлтуховскій.

Только послѣ опубликованія Скорописемъ своихъ мемуаровъ¹⁹⁾ сдѣлалось яснымъ, что «Союзъ» игралъ рядомъ со своими австро-нѣмецкими господами гораздо болѣе жалкую и недостойную роль, чѣмъ это раньше можно было предполагать. Самъ Скоропись не скрываетъ, что официальныя австро-нѣмецкіе круги «за свои деньги стремились использовать членовъ Со-

18) Д-ръ И. Каминскій. Національное самосознаніе нашего народа Ужгородъ. 1925 г. Стр. 10

19) Александръ Скоропись-Юлтуховскій *Мої «злочини»*. Хліборобська Україна, р. р. 1920-1921. Збірник II, III и IV. Видень. Стр. 191-238

юза для обычной шпионской или бунтовщической работы въ тылу московской арміи». Скоропись, по его словамъ, всячески боролся съ такими тенденціями австрійскихъ властей. Какъ бы то ни было, и послѣ всѣхъ его объясненій у читателей его мемуаровъ не можетъ все же не создаться впечатлѣнія, что члены «Союза» въ моральномъ отношеніи были очень поктадистыи людьми. Находясь въ Австріи, они прежде всего должны были забыть о дорогой для каждаго украинца идеѣ «Соборной Украины». Болѣе того, имъ были официально запрещены въ Галиціи какія бы то ни было сепаратистскія выступленія даже противъ Россіи, «такъ какъ подобныя выступленія въ Галиціи нецѣлесообразны, въ силу тѣхъ выводовъ, которые изъ нихъ могутъ быть здѣсь сдѣланы». Правительство крайне косо смотрѣло на какія бы то ни было непосредственныя сношенія членовъ «Союза» съ галицкимъ населеніемъ. Въ концѣ концовъ членамъ «Союза» было вообще приказано: избѣгать какихъ бы то ни было публичныхъ самостоятельныхъ выступленій и лишь готовиться къ тому моменту, который «императорско-нѣмецкое правительство признаютъ подходящимъ для активной украинской пропаганды и когда они призовутъ къ участію въ этой политикѣ Союзъ».

Въ этихъ условіяхъ текущая дѣятельность Союза во время пребыванія въ Австріи свелась къ пропагандистской работѣ подъ наблюденіемъ генеральнаго штаба въ лагерѣ для военноплѣнныхъ во Фрайштадтѣ и въ изготовленіи воззваній и прокламаций, предназначавшихся къ распространенію на русскомъ фронтѣ и въ тылу русской арміи. Обѣ послѣднихъ задачи въ свою очередь неизмѣнно требовали отъ членовъ «Союза» большихъ моральныхъ компромиссовъ. Ихъ усная и печатная пропаганда нерѣдко велась при помощи явно крапленныхъ картъ. Въ первомъ же воззваніи Союза, написанномъ, по словамъ Скорописа, Д. Донцовымъ «со всѣмъ присущимъ ему талантомъ», крестьянское населеніе русской Украины оповѣщалось въ самой категорической формѣ, что «австрійское войско принесетъ намъ землю, такъ какъ всѣ земли, казенныя, удѣльныя и крупныхъ помѣщиковъ, этого подножія царей, перейдутъ въ вѣчную собственность селянъ на всей территоріи, занятой австрійскими войсками». Скоропись, считавшій, что Австрія не имѣетъ никакихъ особыхъ оснований разсчитывать на симпатіи со стороны русскихъ украинцевъ и что «украинскаго селянина можно привлечь на сторону Австріи только цѣной земли», тщетно добивался, по его словамъ, выпуска торжественнаго манифеста «за подписью двухъ императоровъ», въ которомъ украин-

скимъ массамъ, помимо самостоятельности, было бы общаемо еще что-нибудь привлекательное. Такого манифеста, конечно, издано не было. Тѣмъ не менѣе Скорописъ, удовольствовавшись устнымъ заявленіемъ второстепеннаго австрійскаго чиновника, со спокойнымъ сердцемъ продолжалъ пропагандистскую работу.

Въ Германіи, куда въ концѣ марта 1916 г. Скорописъ перенесъ свою дѣятельность, нѣмецкое военное начальство, привыкшее прямолинейно смотрѣть на вещи, предложило ему, въ нѣльхъ скорѣйшаго отгорженія Украины, убѣждать украинскихъ военноплѣнныхъ поступать непосредственно въ ряды нѣмецкихъ войскъ. Предсѣдателю «Союза» пришлось довольно долго объяснять своимъ собесѣдникамъ, что онъ все же не можетъ обратиться въ платнаго вербовщика солдатъ для нѣмецкой арміи.

Въ Германіи, какъ и въ Австріи, главная политическая работа «Союза» заключалась въ сепаратистской пропагандѣ въ лагеряхъ украинскихъ военноплѣнныхъ въ Раштадтѣ, Вецлярѣ и Зальцвелдѣ. Методы работы «Союза» въ Германіи были значительно болѣе энергичными, чѣмъ раньше. Многіе изъ украинскихъ военноплѣнныхъ были переведены въ украинскіе лагеря «противъ ихъ воли». Въ началѣ 1916 г. Скорописъ уже могъ переправить въ Россію съ помощью генеральнаго штаба 27 человекъ изъ числа наиболѣе распропагандированныхъ военноплѣнныхъ. Каждый изъ этихъ людей получилъ при этомъ на руки отъ 500 до 1000 «московскихъ рублей». «Такъ, — восклицаетъ въ своихъ мемуарахъ авторъ, — понесли они въ родную страну идею самостоятельной Украины!». Въ январѣ 1917 г. въ Россію былъ отправленъ Скорописомъ нѣкій украинскій военный отрядъ, для несенія этапной и милиціонной службы въ тылу нѣмецкихъ войскъ. Этотъ отрядъ вошелъ впоследствии въ 1-ый полкъ такъ называемыхъ «синезупанниковъ», вступившихъ въ Кіевъ во времена украинской Центральной Рады.

По отчету г. Скорописа-Юлтуховскаго, напечатанному имъ въ его мемуарахъ, «Союзъ» за все время своей дѣятельности въ Германіи, съ апрѣля 1915 г. по декабрь 1917 г. истратилъ 743.294 марки. О полученныхъ ранѣ «Союзомъ» австрійскихъ кронахъ аналогичнаго отчета не приведено.

Въ какой мѣрѣ идея сепаратизма до конца 1917 г. оставалась еще чуждой украинскимъ лидерамъ, видно изъ того, что С. В. Петлюра, узнавъ о дѣятельности «Союза вызволенія Украины», назвалъ членовъ «Союза» въ своемъ журналѣ «Украинская жизнь» «безответственными и продажными людьми». Впо-

слѣдствіи, когда къ тому же С. Петлюръ явились на Украинѣ съ предложеніемъ своихъ услугъ челоѣкъ 10-12 изъ числа переправленныхъ Союзомъ черезъ фронтъ проповѣдниковъ сепаратизма, то оиъ «отправилъ ихъ отъ себя ни съ чѣмъ, заявивъ: самостійники намъ не нужны»²⁰). Весьма освѣдомленный галичанинъ, близко наблюдавшій работу «Союза вызволенія», М. Лозинскій, сообщаетъ, что дѣятельность «Союза» «не могла найти себѣ одобренія среди украинскаго общества въ Россіи»²¹).

Члены «Союза», дѣйствуя съ помощью австро-нѣмецкихъ денегъ и подѣ прикрытіемъ австро-нѣмецкихъ войскъ, не могли въ сущности оправдывать свои поступки даже столь скользкимъ правиломъ, какъ «цѣль оправдываетъ средства». Чуть не каждый день дѣловыя общенія съ австро-германскими властями должны были убѣждать членовъ «Союза», что центральныя державы стремятся на Украину не для ея «освобожденія», а въ своихъ собственныхъ, своекорыстныхъ, интересахъ.

Все поведеніе австро-нѣмецкихъ оккупационныхъ властей на Украинѣ въ 1918 г. — не болѣе какъ естественное завершеніе исконныхъ нѣмецкихъ плановъ, направленныхъ на расчлененіе Россіи въ цѣляхъ ея ослабленія и вмѣстѣ съ тѣмъ экономическаго использования «освобожденныхъ» областей. Факты, относящіеся къ этой оккупации, широко извѣстны и потому для иллюстраціи того, что никакой «самостійной Украинской державы» во время нѣмецкаго господства фактически не существовало, достаточно сослаться только на нѣкоторые, особенно окрovenные, нѣмецкіе и австрійскіе документы того времени.

4 мая 1918 г. штабъ ген. Эйхгорна, командующаго оккупационными войсками на Украинѣ, послалъ главнокомандующему нѣмецкимъ восточнымъ фронтомъ телеграмму, въ которой указывалось, что «германскіе войскачи будутъ нетрудно поддер-

²⁰) О. Скорописъ-Іо.гуховскій. Ор. сѣт. Стр. 219. Личное, довольно близкое, знакомство автора этой статьи съ людьми и событіями на Украинѣ, — или, по крайней мѣрѣ, въ Кіевѣ, — въ 1917-1919 гг., позволяетъ ему утверждать, что С. Петлюра, даже сдѣлавшись сепаратистомъ, отнюдь не превратился въ фанатика этой идеи. Вопреки широко распространенному мнѣнію, авторъ считаетъ, что въ 1917-1919 гг. С. В. Петлюра былъ не столько субъектомъ, сколько объектомъ украинскаго движенія, въ тѣхъ формахъ, въ какихъ оно тогда развивалось.

²¹) Украинська революція. Розвідки і матеріали. Д-ръ Михайло Лозинскій. «Галичина» в рр. 1918-1920. Видень, 1922. Стр. 16.

жизнь, порядокъ и спокойствіе, если мы, наконецъ, откажемся отъ фикціи дружественной страны, въ которой мы должны просить разрѣшенія на свои дѣйствія у безтолковыхъ или неопытныхъ украинскихъ комиссаровъ и комендантовъ». Однако бар. Муммъ, иѣмецкій посолъ на Украинѣ, съ этой, какъ онъ самъ говорилъ, «военной, но не политической» точкой зрѣнія не согласился. «Я считаю необходимымъ поддерживать на Украинѣ фикцію самостоятельнаго дружественнаго намъ государства, поскольку это совпадаетъ съ нашими интересами. Мы не должны слишкомъ рѣзко показывать что оно (украинское правительство) является только куклой въ нашихъ рукахъ, а правительственныя распоряженія обслуживаютъ исключительно наши интересы»²²⁾.

Интересы, о которыхъ говорить въ данномъ случаѣ бар. Муммъ, въ то время состояли главнымъ образомъ въ заботахъ оккупационныхъ властей о точномъ выполненіи украинскимъ правительствомъ взятыхъ имъ на себя, на основѣ ст. VII сепаратнаго Брестъ-Литовскаго договора, обязательствъ. Согласно этимъ обязательствамъ Германія и Австрія должны были получить съ Украины до 31 июля 1918 г. 60 милліоновъ пудовъ пшеницы, 2.750.000 пудовъ живого вѣса рогатаго скота, 400 милліоновъ яицъ и кромѣ того въ условленномъ громадномъ количествѣ сахаръ, сало, ленъ, пеньку, марганцевую руду и проч. Дальнѣйшія перспективы, которыя имѣла въ виду Германія, были уже въ точномъ смыслѣ слова грандіозными. «Германія преслѣдуетъ на Украинѣ опредѣленную хозяйственно-политическую цѣль, — писалъ въ Вѣну, министру иностранныхъ дѣлъ начальникъ австрійскаго генеральнаго штаба на Украинѣ. — Она хочетъ навсегда закрѣпить за собой самый безопасный путь на Месопотамію и Аравію, черезъ Баку и Персію... (Другой ей) путь на Востокъ идетъ черезъ Кіевъ, Екатеринославъ и Севастополь, откуда начинается морское сообщеніе на Батумъ и Трапезундъ»²³⁾.

Подобнаго рода документы съ неопровержимой ясностью свидѣтельствуютъ, что въ 1918 г. Людендорфъ смотрѣлъ на Украину тѣми же глазами, какими смотритъ на нее теперь Гитлеръ.

Несмотря на то, что Германія и Австрія, подготавливая пропагандистовъ украинскаго сепаратизма, преслѣдовали свои соб-

²²⁾ Крахъ германской оккупации на Украинѣ. Документы оккупантовъ. Огиз. 1936 г. Стр. 62 и 65.

²³⁾ Тамъ же. Стр. 71.

стаинныя, а отнюдь не украинскія задачи, работа центральныхъ державъ по созданію себѣ помощниковъ въ дѣлѣ расчлененія Россіи не пропала даромъ. Когда представилась къ тому возможность, тренированные пропагандисты самостоятельности русской Украины хлынули въ Россію.

Въ свою очередь и мѣстные украинцы, до тѣхъ поръ противостоявшіе сепаратистскому соблазну, не выдержали искушенія, созданнаго быстрымъ ослабваніемъ центральной власти и, въ особенности, приближеніемъ большевистской опасности къ предѣламъ Украины, а также ростомъ большевизмскихъ настроеній въ ней самой.

Четвертый универсалъ Украинской рады, порывая съ тѣми официальными заявленіями, которыя еще за 2-3 недѣли до того въ самой категорической формѣ говорили о федераціи, провозгласилъ «самостійность Украинской народной республики» (9 января 1918). Это было время полной разрухи. Война съ Советской Россіей фактически уже велась и провозглашеніе самостоятельности Украины, по мысли украинскихъ вождей, могло способствовать заключенію сепаратнаго мира съ центральными державами и кромѣ того, въ случаѣ необходимости, позволило обратиться къ нимъ за военной помощью.

Къ этому времени однако и среди мѣстныхъ украинцевъ, не говоря уже о пріѣхавшихъ изъ Германіи и Австріи, было немало лицъ, считавшихъ себя принципиальными сепаратистами. Количество послѣднихъ еще болѣе увеличилось, когда, во времена Директоріи, на украинскую территорію, въ Россію, перешло галицкое украинское правительство, потерпѣвшее поражение въ борьбѣ съ поляками, и привело съ собой 100.000 галицкую армию, изъ которой впрочемъ не болѣе 40.000 было боеспособныхъ. Казалось, что въ этихъ условіяхъ идея сепаратизма должна была достигнуть высшаго своего торжества. На дѣлѣ однако получилось иное.

Если Галиція въ свое время сыграла роль украинскаго самостоятельнаго Пьемонта, то теперь галичане, испытавъ на себѣ тяжесть польской побѣды и познакомившись ближе съ политикой правительства Украинской народной республики, совершенно для петлюровцевъ неожиданно рѣшили пойти на сближеніе съ Россіей, «которая встанетъ на развалинахъ прежней деспотической царской Россіи, послѣ уничтоженія большевизмской власти». Въ галицкомъ офиціозѣ въ статьѣ «Куда итти?» самъ д-ръ К. Левицкій, бывший председатель галицкой «Головной украинской рады», въ свое время, въ началѣ войны, призывавшей всѣхъ украинцевъ къ борьбѣ противъ Россіи, писалъ

«Послѣ заключенія соглашенія съ російскими противобольшевицкими арміями нашей задачей будетъ подготовка другого, главнѣйшаго соглашенія, которое должно привести къ конфедерации обѣихъ державъ, Россіи и Украины». Статья К. Левицкаго встрѣтила восторженный пріемъ въ кругахъ галицкаго военного командованія, горячо привѣтствовавшаго выступленіе одного изъ «старѣйшихъ дѣятелей Галиціи». «На нашихъ глазахъ, — говорилось 20 сентября 1919 г. въ органѣ галицкаго командованія «Стрѣлецъ», — повторяется исторія временъ Хмельницкаго, также вызванная страшной польской политикой. Поляковъ исторія ничему не научила. Они готовятъ новый Переяславль». Делегаты галицкаго правительства, В. Панейко и С. Томашевскій, на мирной конференціи еще раньше, во время своихъ встрѣчъ съ представителями Антанты, высказались за федерацию Украины съ Россіей.

Видные галицкіе дѣятели, вставъ на «новую дорогу» и указывая на тѣ преимущества, которыя получитъ Украина отъ конфедерации или федерации съ Россіей, вспомнили даже нѣкоторыя изъ тѣхъ выгодъ, которыя Украина уже получила въ прошломъ въ результатъ Переяславскаго соглашенія 1654 г. Въ статьѣ, съ весьма характернымъ заглавіемъ «На распутьѣ», д-ръ О. Назарукъ, редакторъ «Стрѣльца», поучаетъ своихъ соотечественниковъ, что «подъ напоромъ Польши на востокъ мы теряли свою національную территорию... Подъ Москвой мы не только ничего не потеряли изъ своей территоріи, но приобрѣли такъ много, что изъ этнографическаго состоянія стали великимъ народомъ. Около 40% нашей національной территоріи приобрѣли мы подъ Москвой въ направленіи на югъ и на востокъ... Движеніе Россіи на Царьградъ, этогъ ключъ Чернаго моря, фактически было больше въ интересахъ Украины, чѣмъ Москвы»²⁴). По существу это тѣ мысли, которыя въ свое время, хотя и безуспѣшно, внушала галицкимъ украинцамъ еще М. П. Драгомановъ.

Новыя настроенія галичанъ не остались въ области одной только теоріи. Они привели къ переходу галицкихъ войскъ на сторону добровольческой арміи, оформленному спеціальнымъ соглашеніемъ отъ 4 ноября 1919 г. Приблизительно въ то же время «головной атаманъ наддніпрянской арміи» С. Петлюра, съ которымъ добровольческое командованіе отказалось вести

²⁴) Українська революція. Розвідки и матеріали. Д-ръ Михайло Лозинскій. Галичина в рр. 1918-1920. Видень, 1922 г. Стр. 174, 175, 176, 177 и 117-118.

накіе бы то ни было переговоры, приступилъ къ заключенію соглашенія съ Польшей.

Итакъ, тѣ же галичане, которые въ свое время столь способствовали развитію украинскаго сепаратизма, какъ бы искупая свой грѣхъ, первые обратились лицомъ къ Россіи. Конечно, въ такомъ поворотѣ было по существу много преходящаго, объясняемаго тяжкимъ положеніемъ галицкихъ правительства и арміи во время ихъ пребыванія въ Галиціи. Но когда читаешь нѣкоторыя изъ статей, появившихся въ Галиціи польской, начинаешь убѣждаться, что въ поворотѣ галичанъ въ 1919 г. въ сторону Россіи имѣется и нѣчто весьма серьезное, и непреходящее, и притомъ непосредственно связанное съ пониманіемъ внутренней, духовной, близости украинца и великоросса. Къ числу такихъ статей принадлежить, въ частности, появившаяся годъ тому назадъ (въ январѣ 1938 г.) въ украинскомъ журналѣ «Львівски Вісти», хотя и въ дискуссионномъ порядкѣ, статья П. Дмитріва, также подъ очень характернымъ заглавіемъ: «Мы ищемъ новыхъ путей». «Бѣлорусскій и украинскій сепаратизмы, — пишетъ П. Дмитривъ, — съ одной стороны вызваны виѣшними вліяніями, частью же великорусской гегемоніей на Руси, которая преслѣдовала весь украинскій и бѣлорусскій проявленія обще-русской жизни. Само собой разумѣется, мы въ правѣ и должны вести борьбу съ засильемъ великороссовъ, такъ какъ они стремятся уничтожить нашу украинскую самобытность. Но для борьбы съ насиліемъ великороссовъ въ русской жизни необходимо соперничество, конкуренція, а не бѣгство съ поля общерусскаго творчества... Оторвавшись отъ русской почвы, мы всѣ свои силы должны тратить на борьбу за право на свое національное существованіе. Мы отдаемъ себѣ отчетъ, что Западная Европа не признаетъ, не видитъ нашихъ культурныхъ достиженій, такъ какъ они слишкомъ слабы... Востоку же также отклоняетъ все, на чемъ лежитъ зловѣщая печать отрицанія Руси»²⁵). Въ этихъ словахъ есть много и отъ Драгоманова и отъ Богдана Хмельницкаго, другими словами, имѣется все необходимое для новаго «Переяславскаго соглашенія», лишенаго тѣхъ недоговоренностей и того политическаго и соціальнаго консерватизма, которыхъ, на бѣду украинской стороны, было такъ много въ соглашеніи старомъ.

Не разъ, въ далекомъ прошломъ были случаи, что испытывъ чье-нибудь иго, украинскій «сепаратистъ» добровольно

²⁵) Цитата въ текстѣ взята изъ газеты «Русское Слово» отъ 27 января 1938 г., перепечатавшей цѣлкомъ статью П. Дмитріва.

шелъ подъ кровлю русскаго дома. Какъ оказывается, такіе случаи были не только въ прошломъ, но и совсѣмъ недавно. То же неизбѣжно должно случиться и въ будущемъ, если дѣйствительно произошло бы то несчастье, которымъ Гитлеръ грозить Россіи, и Украина была бы отъ нея отторгнута силой нѣмецкаго оружія. Однако новые «Союзы вызволенія Украины» уже готовятся идти по стопамъ своихъ предшественниковъ и на нѣмецкія деньги и съ помощью нѣмецкаго оружія производить кровавые сепаратистскіе эксперименты надъ своимъ народомъ. Уроки 1918 г. этимъ людямъ ничего не говорягъ, между тѣмъ, казалось бы, всѣ украинцы должны помнить, какъ единодушно поднялись тогда крестьяне Украины противъ нѣмецкаго и австрійскаго насильника. Соучастникамъ Гитлера очевидно ничего не говорятъ и пылкія, оказавшіяся дѣйствительно пророческими, слова національнаго украинскаго поэта, Т. Шевченко, видѣвшаго въ нѣмцахъ безжалостнаго врага славянскаго міра:

Вотъ такъ нѣметчина спалила
Большую хату и семью,
Семью славянъ разъединила
И тихомолкомъ къ ней впустила
Усобищъ лютую змѣю.

Не всѣ однако украинскіе эмигранты, даже сепаратисты, согласны со столь же легкимъ сердцемъ идти вмѣстѣ съ Гитлеромъ на Украину, какъ это дѣлаютъ безоговорочные и безоглядые сторонники нѣмецкаго витѣстельства, движимые своимъ авантюристическимъ динамизмомъ. Настоящій украинскій патриотъ не можетъ не задуматься надъ опасностью превращенія Украины въ нѣмецкую колонію, и потому въ эмигрантской украинской средѣ, даже и сепаратистски настроенной, замѣчаются послѣднее время по вопросу о желательности воспользоваться для освобожденія Украины нѣмецкой «помощью» весьма сильныя колебанія.

Само населеніе русской Украины пока поневолѣ молчитъ. За него говорятъ въ эмиграціи украинскіе сепаратисты, а въ Россіи — сталинскіе клеветы. Но и раньше бывало, что народъ молчалъ, но, когда на него ополчались иностранные враги, онъ тѣмъ не менѣе вставалъ какъ одинъ человекъ. Это бывало въ XVII, въ XVIII, въ XIX вв. Это же повторилось совсѣмъ недавно, всего двадцать лѣтъ тому назадъ. Слова Петра Вел., сказанныя имъ послѣ возстанія гетмана Мазепы, не потеряли поэтому своего значенія и въ наши дни. «Всѣмъ из-

вѣстно, писалъ Петръ, что со времени перваго гетмана Хмельницкаго, даже до Скоропадскаго, всѣ гетманы были измѣнниками, но, «малороссійскій народъ такъ твердо съ помощью Божьей стоитъ, какъ больше нельзя отъ него требовать; король посылаетъ прелестныя лисья, но сей народъ пребываетъ въ вѣрности».

Съ сепаратизмомъ впрочемъ связывается не только та «измѣна», о которой говорилъ Петръ Вел. Сепаратизмъ — это измѣна и основнымъ, исконнымъ традиціямъ украинскаго національнаго движенія.

За украинскимъ сепаратизмомъ нѣтъ историческаго оправданія. На немъ все еще слишкомъ ясна печать не друзей Украины, а враговъ Россіи. Не стоитъ за нимъ и оправданія политическаго, и экономическаго, и культурнаго: многообразнѣйшіе интересы Россіи и Украины давнымъ давно сплелись въ одинъ неразрывный узелъ. Идея сепаратизма впервые процвѣла въ Россіи въ тѣ времена, когда въ ней выросло вообще много нездороваго. Въ наши дни, въ эмиграціи, сепаратизмъ питается почти исключительно воспоминаніями объ обидахъ и ошибкахъ прошлаго. Такихъ чувствъ вполне достаточно для укоровъ по адресу обидчика, но при постройкѣ новаго зданія они могутъ иногда только повредить.

Но, конечно, украинское движеніе само по себѣ не только законно, но и многоцѣнно. Созданное въ XIX в. «горстью поэтовъ и ученыхъ», оно съ момента своего созданія и до эпохи своихъ широкихъ и очевидныхъ успѣховъ, все время шло тѣмъ классическимъ путемъ, какимъ идетъ національное возрожденіе каждаго народа, чья національная жизнь по тѣмъ или инымъ причинамъ перестала на время горѣть яркимъ пламенемъ и только тлѣла подъ грудой пепла. Тѣмъ же путемъ шло и возрожденіе Чехіи. Тачъ же началось, въ серединѣ XIX в., и національное возрожденіе карпатороссовъ, нынѣ насильственно прерванное въ своемъ развитіи. Успѣхи, достигнутые украинскимъ движеніемъ, не склонившимся передъ внѣшними препятствіями, сами по себѣ, вѣтъ какихъ бы то ни было историческихъ аргументовъ, болѣе чѣмъ достаточны для безспорнаго обоснованія права украинскаго народа на свое мѣсто подъ солнцемъ.

Великая Россія можетъ возродиться только въ формѣ федерации свободныхъ народовъ. Въ этомъ будущемъ союзѣ равныхъ передъ Украиной откроются широчайшія возможности для свободнаго развитія ея творческаго генія. Въ свѣтъ подобныхъ перспективъ, а не на почвѣ старыхъ обидъ и недоразумѣній только и могутъ разрѣшаться въ нормальному порядкѣ всѣ русско-украинскіе вопросы.

Д. Одинецъ.